
ФИЛОСОФСКІЯ НАЧАЛА ЦѢЛЬНАГО ЗНАНІЯ ¹⁾).

IV.

Начала органической логики (продолженіе).—Понятіе абсолютнаго. — Основныя опредѣленія по категоріямъ сущаго, сущности и бытія.

Цѣльное знаніе по опредѣленію своему не можетъ имѣть исключительно теоретическаго характера: оно должно отвѣчать всѣмъ потребностямъ человѣческаго духа, должно удовлетворять въ своей опредѣленной сферѣ всѣмъ высшимъ стремленіямъ человѣка. Отдѣлить теоретическій или познавательный элементъ отъ элемента нравственнаго или практическаго и отъ элемента художественнаго или эстетическаго можно было бы только въ тѣхъ случаяхъ, еслибы духъ человѣческій раздѣлялся на нѣсколько самостоятельныхъ существъ, изъ которыхъ одно было бы *только* волей, другое *только* разумомъ, третье—*только* чувствомъ. Но такъ какъ этого нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ всегда и необходимо предметъ нашего познанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ нашей воли и чувства, то чисто-теоретическое отвлеченно-научное знаніе всегда было и будетъ праздною выдумкой, субъективнымъ призракомъ. Пусть не указываютъ на такъ называемыя точныя науки — математику и естествовѣдѣніе — какъ на чистое знаніе, не имѣющее никакого прямого отношенія къ волѣ и чувству. Ибо именно вслѣдствіе того эти знанія сами по себѣ въ своей отдѣльности и не имѣютъ никакого значенія даже съ теоретической стороны, не удовлетворяютъ даже познавательной потребности человѣка, *не составляютъ истины*. Еслибы на вѣчный вопросъ, что есть истина, кто-нибудь отвѣтилъ: истина есть то, что сумма угловъ треугольника равняется двумъ прямымъ, или что соеди-

¹⁾ *Продолженіе*. См. *Ж. М. Н. Пр.* за іюнь 1877 года.

неніе водорода съ кислородомъ образуетъ воду—не было ли бы это плохую шуткой? Теоретическій вопросъ объ истинѣ относится очевидно не къ частнымъ формамъ и отношеніямъ явленій, а къ всеобщему безусловному смыслу или разуму (Λογος) существующаго, и потому частныя науки и познанія имѣютъ значеніе истины не сами по себѣ, а лишь въ своемъ отношеніи къ этому Логосу, то-есть, какъ органическія части единой цѣльной истины; въ отдѣльности же своей они суть или простая забава, удовлетворяющая личнымъ вкусамъ ¹⁾, или же вспомогательное средство для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей цивилизованнаго быта какъ одно изъ орудій индустріи; такъ что и тутъ эти науки все-таки связаны съ волей и чувствомъ, но не съ духовною нравственною волей, а съ матеріальной похотью и прихотью, и не съ высшимъ творческимъ чувствомъ, а съ низшею чувственностью. Наша наука служить или Богу или маммонѣ, но кому нибудь служить для нея неизбѣжно: безусловно самостоятельную быть она не можетъ.

Не трудно видѣть, что если невозможно чистое, безусловно независимое знаніе, то точно также невозможна чистая безусловно не, зависимая нравственность, то-есть свободная отъ всякаго познавательнаго и эстетическаго элемента (Кантовъ практическій разумъ)—а равно невозможно и исключительное искусство, то-есть совершенно независимое отъ теоретическаго и нравственнаго элементовъ.

И такъ теоретическая сфера мысли и познанія, практическая сфера воли и дѣятельности и эстетическая сфера чувства и творчества различаются между собою не образующими элементами, которые во всѣхъ нихъ одни и тѣ же, а только сравнительною степенью обладанія того или другаго элемента въ той или другой сферѣ; исключительное же самоутвержденіе этихъ элементовъ въ ихъ отдѣльности всегда оставалось только стремленіемъ безъ всякаго дѣйствительнаго осуществленія.

Если такимъ образомъ истина, составляющая содержаніе настоящей философіи, должна находиться въ необходимомъ отношеніи къ волѣ и чувству, отвѣчая ихъ высшимъ требованіямъ, то очевидно исходная точка этой философіи—абсолютно-сущее—не можетъ опредѣляться одною только мыслительною дѣятельностью, а необходимо также волей и чувствомъ. И дѣйствительно, абсолютно-сущее тре-

¹⁾ Нѣмецкій натуралистъ Геккель сравниваетъ ученыхъ, занимающихся однимъ накопленіемъ эмпирическаго матеріала, съ тѣми любителями, которые собираютъ коллекціи почтовыхъ марокъ.

буется не только нашимъ разумомъ какъ логически необходимое предположеніе всякой частной истины (то-есть, всякаго яснаго и точнаго понятія, всякаго вѣрнаго сужденія и всякаго правильнаго умо-заключенія)—оно также требуется волей какъ необходимое предположеніе всякой нравственной дѣятельности, какъ абсолютная цѣль или благо; наконецъ оно требуется также и чувствомъ какъ необходимое предположеніе всякаго полнаго наслажденія, какъ та абсолютная и вѣчная красота, которая одна только можетъ покрыть собою видимую дисгармонію чувственныхъ явленій „и разрѣшить торжественнымъ аккордомъ ихъ голосовъ мучительный разладъ“.

Идеальное содержаніе абсолютнаго начала по этимъ тремъ отношеніямъ, очевидно, можетъ быть раскрыто только цѣлою философіей. Теперь же намъ должно прежде всего остановиться на логическомъ его значеніи, тѣмъ болѣе, что терминъ „абсолютное“ очень много употреблялся и злоупотреблялся въ различныхъ философскихъ ученіяхъ.

По смыслу слова, абсолютное (*absolutum* отъ *absolvere*) значить во 1-хъ *отрѣшенное* отъ чего-нибудь, *освобожденное*, и во-вторыхъ—*завершенное, законченное, полное, всецѣлое*. Такимъ образомъ, уже въ словесномъ значеніи заключаются два опредѣленія абсолютнаго: въ первомъ оно опредѣляется само по себѣ въ отдѣльности или отрѣшенности отъ всего другаго и слѣдовательно *отрицательно* по отношенію къ этому другому, то-есть ко всему частному, конечному, множественному,—опредѣляется какъ свободное отъ *всего*, какъ *безусловно единое*; во второмъ значеніи оно опредѣляется *положительно* по отношенію къ другому, какъ обладающее *всѣмъ*, не могущее имѣть ничего внѣ себя (ибо въ противномъ случаѣ оно не было бы *завершеннымъ* и *всецѣлымъ*). Оба значенія вмѣстѣ опредѣляютъ абсолютное какъ *εν καὶ πᾶν*. Очевидно притомъ, что оба эти значенія необходимо совмѣщаются въ абсолютно-сущемъ, ибо они предполагаютъ другъ друга, одно безъ другаго немислимо, будучи только двумя неразрывными сторонами одного и того же опредѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы быть отъ всего свободнымъ, нужно имѣть надъ всѣмъ силу и власть, то-есть, быть всѣмъ въ „положительной потенціи или *силой всего*“; съ другой стороны, быть всѣмъ можно только не будучи ничѣмъ исключительно или въ отдѣльности, то-есть, будучи отъ всего свободнымъ или отрѣшеннымъ.

Легко видѣть отсюда тѣсное внутреннее соотношеніе или соотвѣтствие между понятіемъ абсолютнаго и понятіемъ сущаго, ибо и

сущее, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, представляетъ по отношенію къ бытію такія же двѣ неразрывно между собою связанныя стороны, опредѣляясь совмѣстно и какъ свободное отъ всякаго бытія, и какъ положительное начало бытія.

Изъ сказаннаго также ясно, что наше понятіе абсолютно сущаго, составляющее исходную точку первой теософической науки и, слѣдовательно, лежащее въ основаніи всей системы цѣльнаго знанія, *то соею* отличается отъ „абсолютнаго“ рационалистической философіи. Въ этой послѣдней абсолютное принимается только въ одномъ изъ двухъ различенныхъ нами значеній, а такъ какъ одно получаетъ все свое содержаніе отъ другаго, то, слѣдовательно, здѣсь подъ абсолютнымъ ровно ничего не мыслится, то-есть, оно такое же пустое слово, какъ и всѣ другія основныя понятія этой философіи — бытіе, ничто и т. д. Будучи само по себѣ пустымъ словомъ, это абсолютное наполняется содержаніемъ и становится дѣйствительнымъ только *генетически*, путемъ саморазвитія въ діалектическомъ процессѣ. Истинное же абсолютное необходимо и вѣчно заключаетъ въ себѣ все бытіе и всѣ дѣйствительности, всегда оставаясь такимъ образомъ выше этого бытія и этой дѣйствительности. Въ немъ самомъ не можетъ быть никакого процесса. Всякій процессъ, всякое развитіе, всякій діалектическій переходъ отъ общихъ, абстрактныхъ и потенциальныхъ опредѣленій къ опредѣленіямъ болѣе конкретнымъ и дѣйствительнымъ принадлежитъ только намъ, нашему мышленію, которое постепенно во временной послѣдовательности добываетъ то содержаніе, которое въ самомъ абсолютномъ существуетъ какъ одинъ вѣчный актъ.

Абсолютно-сущее, какъ сказано, необходимо *для насъ*, то-есть, требуется нашимъ разумомъ, нашимъ чувствомъ и нашею волей. Но слѣдуетъ ли изъ этого его собственная объективная дѣйствительность, а если не слѣдуетъ (какъ это очевидно), то на какомъ основаніи можемъ мы утверждать эту собственную дѣйствительность абсолютнаго? Очевидно, что дѣйствительность чего-нибудь другаго можетъ имѣть въ насъ только пассивное основаніе, то-есть, мы не можемъ сами изъ себя ее утверждать, а можемъ только воспринимать ее какъ дѣйствіе этого другаго на насъ. И несомнѣнно, что во всѣхъ чело-вѣческихъ существахъ глубже всякаго опредѣленнаго чувства, представленія и воли лежитъ непосредственное ощущеніе абсолютной дѣйствительности, въ которомъ дѣйствіе абсолютнаго непосредственно нами воспринимается, въ которомъ мы, такъ сказать, соприкасаемся

сь самосущимъ. Это ощущеніе, не связанное ни съ какимъ опредѣленнымъ содержаніемъ, но всякому содержанію подлежащее, само по себѣ одинаково у всѣхъ, и только когда мы хотимъ связать его съ какимъ нибудь исключительнымъ выраженіемъ (положительнымъ или отрицательнымъ—все равно), хотимъ перевести его на тѣсный языкъ опредѣленнаго представленія, чувства и воли, тогда неизбѣжно являюся всевозможныя разногласія и споры. Поэтому здѣсь, если гдѣ нибудь, слѣдуетъ держаться не словъ и именъ, а непосредственнаго ощущенія или чувства.

И если въ чувствѣ ты блаженъ всецѣло,
Зови его какъ хочешь — я названья
Ему не знаю. Чувство — все, а имя
Лишь звукъ одинъ, иль дымъ, что окружаетъ
Безсмертный пылъ небеснаго огня.

Всякое познаніе держится непознаваемымъ, всякія слова относятся къ несказанному и всякая дѣйствительность сводится къ той, которую мы имѣемъ въ себѣ самихъ въ непосредственномъ чувствѣ.

Этимъ непосредственнымъ чувствомъ намъ дается *единое во всемъ*, но должно также познать и *все въ единомъ*. Абсолютное не есть только дѣйствительность, только существованіе, оно также полно *содержаніемъ*, а потому нельзя ограничиться однимъ утвержденіемъ его собственной дѣйствительности на основаніи непосредственнаго ощущенія,—должно познать его осуществленіе въ другомъ, его проявленіе, познать Логосъ и идею. Отсюда необходимый переходъ къ философіи и именно къ абсолютной логикѣ.

Мы опредѣлили абсолютное первоначало какъ то, что обладаетъ положительною силою бытія. Въ этомъ опредѣленіи *implicite* утверждается, во-первыхъ, что абсолютное первоначало само по себѣ свободно отъ всякаго бытія, и во-вторыхъ, что оно заключаетъ въ себѣ всякое бытіе извѣстнымъ образомъ, именно въ его положительной силѣ или производящемъ началѣ. Это суть, какъ сказано, только двѣ неразрывныя стороны одного и того же опредѣленія, ибо свобода отъ всякаго бытія (положительное ничто) предполагаетъ обладаніе всякимъ бытіемъ. Абсолютное потому и свободно отъ всякихъ опредѣленій, что оно, всѣхъ ихъ въ себѣ заключая, не исчерпывается, не покрывается ими, а остается самимъ собою. Если же оно не обладало бы бытіемъ, было бы лишено его, то оно не могло бы быть и свободнымъ отъ него,—напротивъ, бытіе было бы для него тогда необходимостью (ибо тогда бытіе не зависѣло бы отъ него, а то, что отъ меня не зави-

силь, что дано помимо меня, есть для меня необходимость, которую я долженъ переносить поневолѣ).

И такъ, абсолютное есть *ничто и все* — ничто поскольку оно не есть что-нибудь, и все поскольку оно не можетъ быть лишено чего нибудь. Это сводится къ одному и тому же, ибо все, не будучи чѣмъ нибудь, есть ничто, и съ другой стороны, ничто, которое *есть* (положительное ничто), можетъ быть только всѣмъ ¹⁾. Если оно есть ничто, то бытіе для него есть другое, и если вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть начало бытія (какъ обладающее его положительною силой), то оно есть начало своего другаго. Еслибы абсолютное оставалось только самимъ собою, исключая свое другое, то это другое было бы его отрицаніемъ и, слѣдовательно, оно само не было бы уже абсолютнымъ. Другими словами, еслибы оно утверждало себя только какъ абсолютное, то именно поэтому и не могло бы имъ быть, ибо тогда его другое, неабсолютное, было бы внѣ его какъ его отрицаніе или граница, слѣдовательно, оно было бы ограниченнымъ, исключительнымъ и несвободнымъ. Такимъ образомъ, для того, чтобы быть чѣмъ оно есть, оно должно быть противоположнымъ себя самого или единствомъ себя и своего противоположнаго,

denn Alles muss in Nichts zerfallen
Wenn es im Seyn beharren will.

Этотъ верховный логическій законъ есть только отвлеченное выраженіе для великаго физическаго и моральнаго факта любви. Любовь есть самоотрицаніе существа, утверженіе имъ другаго, и между тѣмъ этимъ самоотрицаніемъ осуществляется его высшее самоутверженіе. Отсутствие самоотрицанія или любви, то-есть, эгоизмъ, не есть дѣйствительное самоутверженіе существа,—это есть только бесплодное неудовлетворимое стремленіе или усиліе къ самоутверженію, вслѣдствіе чего эгоизмъ и есть источникъ всѣхъ страданій; дѣйствительное же самоутверженіе достигается только въ самоотрицаніи, такъ что оба эти опредѣленія суть необходимо противоположныя себя самихъ.—И такъ, когда мы говоримъ, что абсолютное первоначало по самому опредѣленію своему есть единство себя и своего отрицанія, то мы повторяемъ только въ болѣе отвлеченной формѣ слово великаго апостола: Богъ есть любовь.

¹⁾ Это положительное ничто, или эн-еонъ каббалистовъ, есть прямая противоположность Гегелеву отрицательному ничто—чистому бытію, происходящему черезъ простое отвлеченіе или лишеніе всѣхъ положительныхъ опредѣленій.

Какъ стремленіе къ другому абсолютнаго, то-есть, къ бытію, любовь есть начало множественности, ибо абсолютное само по себѣ, какъ сверхсущее, безусловно едино; притомъ, всякое бытіе есть отношеніе, отношеніе же предполагаетъ относящихся, т. е. множественность. Но абсолютное, будучи началомъ своего другаго или единствомъ себя и этого другаго, то-есть, любовью, не можетъ, какъ мы видѣли, перестать быть самимъ собою; напротивъ, какъ въ нашей человѣческой любви, которая есть отрицаніе нашего я, это я не только не теряется, но и получаетъ высшее утвержденіе, такъ и здѣсь, полагая свое другое, абсолютное первоначало тѣмъ самымъ утверждается какъ такое въ своемъ собственномъ опредѣленіи.

Такимъ образомъ, абсолютное необходимо во всей вѣчности различается на два полюса или два центра: первый — начало безусловнаго единства или единичности какъ такой, начало свободы отъ всякихъ формъ, отъ всякаго проявленія и, слѣдовательно, отъ всякаго бытія; второй — начало или производящая сила бытія, то-есть, множественности формъ. Съ одной стороны, абсолютное выше всякаго бытія есть безусловно единое, положительное ничто; съ другой стороны, оно есть непосредственная потенція бытія или первая матерія. Ибо еслибы оно было только сверхсущимъ или свободнымъ отъ бытія, то оно не могло бы производить бытіе, и бытіе не существовало бы, но еслибы бытіе не существовало, то абсолютное не могло бы быть отъ него свободнымъ, ибо нельзя быть свободнымъ отъ ничего, и, слѣдовательно, само абсолютное какъ такое не существовало бы, и не было бы совсѣмъ ничего, но такъ какъ нѣчто есть, то необходимо есть и абсолютное въ своихъ двухъ полюсахъ. Второй полюсъ есть сущность или *prima materia* абсолютнаго, первый же полюсъ есть само абсолютное какъ такое, положительное ничто (эн-софъ); это не есть какая нибудь новая отличная отъ абсолютнаго субстанція, а оно само, утвердившееся какъ такое чрезъ утвержденіе своего противоположнаго. Абсолютное, не подлежащее само по себѣ никакому опредѣленію (ибо его общее понятіе какъ предварительное есть только для насъ), опредѣляетъ себя, проявляясь какъ безусловно единое чрезъ положеніе своего противнаго; ибо истинно единое есть то, которое не исключаетъ множественности, а напротивъ, производитъ ее въ себѣ и при этомъ не нарушается ею, а остается тѣмъ, чѣмъ есть, остается единымъ, и тѣмъ самымъ доказываетъ, что оно есть *безусловно единое*, единое по самому существу своему, не могущее быть снятымъ или уничтоженнымъ

никакою множественностью. Еслибы единое было такимъ только чрезъ отсутствіе множественности, то-есть, было бы простымъ лишеніемъ множественности, и, слѣдовательно, съ появленіемъ ея теряло бы свой характеръ единства, то очевидно это единство было бы только случайнымъ, а не безусловнымъ, множественность имѣла бы надъ единымъ силу, оно было бы подчинено ей. Истинное же, безусловное единство необходимо сильнѣе множественности, превосходить ее и должно доказать или осуществить это превосходство, производя въ себѣ всякую множественность и постоянно торжествуя надъ нею, ибо все испытывается своимъ противнымъ. Такъ и нашъ духъ есть единое не потому, чтобы былъ лишенъ множественности, а, напротивъ, потому, что, проявляя въ себѣ безконечную множественность чувствъ, мыслей и желаній, тѣмъ не менѣе всегда остается самимъ собою и характеръ своего духовнаго единства сообщаетъ всей этой стихійной множественности проявленій, дѣлая ее своею, ему одному принадлежащею.

Свобода, неволя, покой и волненье
 Проходятъ и снова являються,
 А онъ все одинъ, и въ стихійномъ стремленьи
 Лишь сила его открывается.

И такъ, если есть ничто отрицательное, которое меньше бытія, только отсутствіе, лишеніе бытія, и есть ничто положительное, которое больше или выше бытія, имѣеть силу надъ бытіемъ, есть дѣйствительная свобода отъ него,—то точно также есть единство отрицательное, которое меньше или ниже множественности, есть только отсутствіе или лишеніе ея, и есть единство положительное, которое больше или выше множественности, потому что имѣеть силу надъ нею, не можетъ быть ею нарушено, слѣдовательно, свободно отъ нея безусловно; и понятно, что абсолютное первоначало должно опредѣлять какъ *положительное* ничто и *положительное* единство.

Первый полюсъ абсолютно-сущаго, будучи самъ по себѣ безусловно единичнымъ, не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій, но мы должны остановиться на двусмысленномъ и многообразномъ характерѣ другаго центра.

Мы видѣли, что абсолютно-сущее вообще опредѣляется какъ обладающее силой или мощью бытія. Эта сила, которою оно обладаетъ, и есть второй центръ, то-есть, непосредственная, ближайшая или вторая потенція бытія, тогда какъ само абсолютное или первый центръ, какъ обладающее ею или сильное надъ нею, есть отдаленная или

первоначальная потенція бытія. Вторая потенція принадлежит абсолютному первоначалу по самому опредѣленію его, есть его собственная сущность. Такимъ образомъ, оно вѣчно находитъ въ себѣ свое противоположное, такъ какъ только чрезъ отношеніе къ этому противоположному оно можетъ утверждать само себя, такъ что они совершенно соотносительны. Это есть, слѣдовательно, необходимость, божественный фатумъ. Абсолютное первоначало свободно лишь вѣчно торжествуя надъ этою необходимостью, то-есть, оставаясь единымъ и неизмѣннымъ во всѣхъ многообразныхъ произведеніяхъ его сущности или любви. Свобода и необходимость, такимъ образомъ, соотносительны, первая будучи дѣйствительна лишь чрезъ осуществленіе второй. А такъ какъ божественная необходимость, равно какъ и осуществленіе ея, вѣчны, то такъ же вѣчна и божественная свобода, то-есть, абсолютное первоначало, какъ такое, никогда не подчинено необходимости, вѣчно надъ нею торжествуетъ, и это вѣчное единство свободы и необходимости, себя и другаго, и составляетъ собственный характеръ абсолютнаго.

Едно, цѣльно, недѣлимо,
 Полно созданья своего,
 Надъ нимъ и въ немъ невозмутимо
 Царить отъ вѣка божество.
 Осуществилось въ немъ ясно
 Чего постичь не могъ ни кто:
 Несогласное согласно,
 Съ грядущимъ прошлое слито,
 Совмѣство творчество съ покоемъ,
 Съ невозмутимостью любовь,
 И возникаютъ вѣчнымъ строемъ
 Ея созданья вновь и вновь.
 Всегда различна отъ всеенной
 И вѣчно съ ней сдѣдена,
 Она для сердца несомнѣнна,
 Она для разума ясна.

Когда мы говоримъ о необходимости въ абсолютномъ, то здѣсь очевидно нѣтъ ничего общаго съ внѣшнею тяжелою необходимостью нашего матеріальнаго существованія. Такъ какъ абсолютное не можетъ имѣть ничего внѣшняго или чуждаго себѣ, то это есть его собственная необходимость, его сущность, какъ мы сказали—это есть необходимость въ томъ смыслѣ какъ намъ необходимо жить, чувствовать, любить. Очевидно, что такая необходимость нисколько не противорѣчитъ абсолютному совершенству и свободѣ, а напротивъ, предпола-

гается ими, и столь же очевидна неосновательность многихъ богослововъ, которые непремѣнно хотятъ лишить божество этой необходимости. И еще еслибъ они могли быть послѣдовательны, а то спросите ихъ, необходимо ли Богу быть благимъ, разумнымъ, быть Богомъ, вообще существовать — и они принуждены будутъ отвѣчать утвердительно. Но если Богу необходимо быть, Ему тѣмъ самымъ необходимо и проявляться, тѣмъ болѣе, что, по общему признанію самихъ богослововъ, въ Немъ потенція есть самый актъ, да и всѣ атрибуты, которые они Ему приписываютъ, относятся къ другому и безъ того не только не могутъ быть осуществлены, но и совсѣмъ не имѣютъ никакого смысла; и если эти атрибуты (напримѣръ, всемогущество, благодать, справедливость и т. п.) необходимы, то необходимо и другое (то-есть, твореніе), къ которому они относятся. Вообще всѣ эти вопросы: творитъ ли Богъ по произволу, могъ ли бы Онъ не творить, могъ ли бы Онъ производить не то твореніе, которое дѣйствительно существуетъ, а нѣкоторое другое и т. п.—предполагаютъ крайне ребяческое представленіе о божествѣ и порождаютъ только пустословіе, совершенно недостойное серьезныхъ умовъ. Но предоставимъ спекулирующихъ богослововъ ихъ собственной печальной участи и возвратимся къ нашему предмету.

Второй центръ или непосредственная потенція бытія есть то, что въ старой философіи называлось первою матеріей. Матерія всякаго бытія въ самомъ дѣлѣ не есть еще бытіе, но она не есть уже и небытіе,—это есть именно непосредственная потенція бытія. Оба центра—абсолютное какъ такое и *materia prima* — отличаются отъ бытія, не суть сами бытіе, оба также не суть небытіе, а такъ какъ третьимъ между небытіемъ и бытіемъ мыслима только потенція бытія, то оба центра одинаково опредѣляются какъ потенціи бытія. Но первый есть положительная потенція, свобода бытія—сверхсущее, второй же или матеріальный центръ, будучи необходимымъ тяготѣніемъ къ бытію, есть его отрицательная непосредственная потенція, то-есть, утверждаемое или ошутимое отсутствіе или лишеніе настоящаго бытія. Но лишеніе бытія какъ дѣйствительное или ошутимое (ибо мы имѣемъ дѣло не съ абстрактами или пустыми словами) есть влеченіе или стремленіе къ бытію, жажда бытія.

Говоря о первой матеріи какъ влеченіи или стремленіи, то-есть, обозначая ее какъ нѣчто внутреннее, психическое, я очевидно не имѣю въ виду того, что современные ученые называютъ матеріей. Я слѣдую словоупотребленію философіи, а не химіи или механики, которымъ

нѣтъ никакого дѣла до первыхъ началъ или производящихъ силъ бытія, чѣмъ исключительно занимается философія. Очевидно, что матерія физики и химіи, имѣющая различныя качества и количественныя отношенія, представляющая, слѣдовательно, уже нѣкоторое опредѣленное или образованное бытіе, имѣетъ характеръ предметный или феноменальный, слѣдовательно, никакъ не есть собственно матерія или чистая потенція бытія, и вообще не можетъ принадлежать къ первымъ началамъ или образующимъ элементамъ сущаго. Настоящая же матерія, о которой я говорю, есть та *ολη* древнихъ философовъ которая сама по себѣ не представляетъ и по понятію своему не можетъ представлять ни опредѣленного качества, ни опредѣленного количества; и совершенно ясно, что такая матерія имѣетъ характеръ внутренній, психическій или субъективный, ибо то, что не имѣетъ опредѣленного качества, не можетъ имѣть и опредѣленного дѣйствія на другое, то-есть, предметнаго бытія, слѣдовательно, ограничено бытіемъ субъективнымъ. Психическій характеръ матеріи самой по себѣ начинается, впрочемъ, признаваться даже современными учеными, изъ коихъ болѣе глубокомысленные сводятъ матерію къ динамическимъ атомамъ, то-есть, центрамъ силъ, понятіе же силы принадлежитъ совершенно къ субъективной или психической области. Что такое въ самомъ дѣлѣ сила сама по себѣ, то-есть, извнутри, какъ не стремленіе или влеченіе? Такое понятіе матеріи совершенно впрочемъ согласно съ обыкновеннымъ, неученымъ словоупотребленіемъ. Мы говоримъ, въ самомъ дѣлѣ: матеріальныя наклонности или инстинкты, матеріальныя интересы, желанія, даже матеріальный умъ, имѣя при этомъ въ виду, разумѣется, не матерію физиковъ или химиковъ, а именно низшую сторону или полюсъ психическаго существа.

Изъ всего предыдущаго ясно, что если высшій или свободный центръ есть самоутвержденіе абсолютнаго первоначала какъ такого, то для этого самоутвержденія ему логически необходимо имѣть въ себѣ или при себѣ свое другое, свой второй полюсъ, то-есть, первую матерію, которая поэтому, съ одной стороны, должна пониматься какъ принадлежащая первому началу, имъ обладаемая и, слѣдовательно, ему подчиненная, а съ другой стороны, какъ необходимое условіе его существованія она первѣе его, оно отъ нея зависитъ. Съ одной стороны, первая матерія есть только необходимая принадлежность свободного сущаго и безъ него не можетъ мыслиться, съ другой стороны, она есть его первый субстратъ, его основа (базисъ), безъ которой оно не могло бы проявиться или быть какъ такое. Эти два центра

такимъ образомъ, хотя вѣчно различныя и относительно противоположныя, не могутъ мыслиться отдѣльно другъ отъ друга или сами по себѣ; они вѣчно и неразрывно между собою связаны, предполагаютъ другъ друга какъ соотносительныя, каждый есть и порожающее и порожденіе другаго.

Второй полюсъ абсолютнаго можетъ опредѣляться какъ *matéria prima* лишь разсматриваемый самъ по себѣ или въ своей потенціальной отдѣльности. Въ дѣйствительномъ же своемъ существованіи какъ опредѣляемая сущимъ или какъ носительница его проявленія, какъ вѣчный его образъ—это есть идея. Абсолютное не можетъ дѣйствительно существовать иначе какъ осуществленное въ своемъ другомъ. Другое же это точно также не можетъ дѣйствительно существовать само по себѣ въ отдѣльности отъ абсолютнаго первоначала, ибо въ этой отдѣльности оно есть чистое ничто (такъ какъ въ абсолютномъ все), а чистое ничто существовать не можетъ. Такимъ образомъ, если мы отличаемъ другое начало само по себѣ отъ этого же другаго какъ опредѣляемаго сущимъ, отличаемъ первую матерію отъ идеи, то это есть различіе въ рефлексіи, а не отдѣльность въ существованіи. По истинѣ абсолютно-сущее вѣчно пребываетъ въ своей матеріи или идеѣ какъ въ своемъ осуществленіи, проявленіи и воплощеніи, вѣчно отъ нея различаясь и неразрывно съ нею соединенное, и существуетъ, слѣдовательно, также вѣчно эта идея во всей своей полнотѣ какъ дѣйствительное осуществленіе, проявленіе или адекватный образъ сущаго. А слѣдовательно, и внутреннее отношеніе этихъ двухъ центровъ, то-есть, частныя идеи или идеальныя сущности, разсматриваемыя въ нашей логикѣ, имѣютъ характеръ вѣчныхъ необходимыхъ и всеобщихъ истинъ; здѣсь не можетъ быть никакого процесса, никакой временной послѣдовательности, и если мы не можемъ заразъ въ одномъ образѣ представить всю полноту проявленнаго въ идеѣ абсолютнаго, всю дѣйствительность ихъ вѣчнаго взаимоотношенія, а должны излагать это взаимоотношеніе по частямъ, послѣдовательно разбивая его на отдѣльныя опредѣленія, начиная съ самыхъ общихъ и потенціальныхъ и кончая самыми конкретными и дѣйствительными, то это, какъ уже было замѣчено, зависитъ единственно отъ дискурсивнаго характера нашего діалектическаго мышленія, совершающагося во времени, и нисколько не опредѣляетъ собственной дѣйствительности самого абсолютнаго и его вѣчной идеи. Всѣ различныя опредѣленія, открываемыя нашею діалектикой въ идеѣ сущаго, дѣйствительно въ ней существуютъ, но не въ отдѣльности одно за другимъ,

какъ мы ихъ мыслимъ, а заразъ, въ одномъ вѣчномъ живомъ образѣ, какъ мы это можемъ только умственно созерцать.

Различая бытіе отъ сущаго какъ его производящаго и имъ обладающаго начала, а въ самомъ сущемъ различая два центра или полюса (сущее какъ такое и первую матерію), мы имѣемъ такимъ образомъ три опредѣленія: 1) свободно сущее (сверхсущее какъ такое, положительная мощь бытія (первый центръ). 2) Необходимость или непосредственная сила бытія (первая матерія второй центръ) 3) бытіе или дѣйствительность какъ ихъ общее произведеніе или взаимоотношеніе. Второе опредѣленіе въ отличіе отъ третьяго я называю *сущностью*. Поскольку сущность опредѣляется сущимъ, она есть его *идея*, поскольку бытіе опредѣляется сущимъ, оно есть его *природа*. Если вообще все другое отъ сущаго какъ такою или Бога называть бытіемъ, то должно во всякомъ случаѣ различать собственно бытіе или дѣйствительность отъ сущности или необходимости, природу отъ идеи, бытіе натуральное отъ бытія идеальнаго.

И такъ, мы имѣемъ: *сущее, сущность, бытіе, или мощь, необходимость, дѣйствительность* или *Богъ, идея, природа*. Очевидно, что бытіе или природа и сущность или идея имѣютъ между собою то общее по отношенію къ сущему или Богу, что оба они суть его другое, и если, какъ мы сейчасъ сказали, вообще все другое сущаго называть бытіемъ, тогда сущность является только видомъ бытія, и тогда мы будетъ имѣть сначала простое противоположеніе двухъ категорій сущаго и бытія и затѣмъ уже въ бытіи будемъ различать 1) его способъ или модусъ (бытіе подлежательное, природа) и 2) его содержаніе (бытіе объективное, идея, сущность).

Если, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, даже различіе между сущимъ и бытіемъ вообще плохо сознается въ школьной философіи, то еще менѣе сознается въ ней различіе между двумя коренными видами бытія, или, по моему словоупотребленію, между бытіемъ и сущностью. Между тѣмъ, это различіе совершенно ясно и для простаго сознанія. Если, на примѣръ, когда я мыслю; мое мышленіе, какъ опредѣленіе моего собственнаго существа или нѣкоторый модусъ моей субъективной природы, есть нѣкоторое бытіе, и если также содержаніе или предметъ этого моего мышленія, то, о чемъ я мыслю или объективная причина, формально опредѣляющая мое мышленіе, также называется бытіемъ, то очевидно здѣсь это слово употребляется въ двухъ различныхъ смыслахъ. Мое мышленіе и всякое другое субъективное бытіе есть необходимое отношеніе къ чему

нибудь; нельзя просто мыслить, просто хотѣть и т. д.; то же, къ чему я отношусь, объективное содержаніе моего бытія само по себѣ уже не можетъ быть отношеніемъ. Потому лучше опредѣлять это объективное содержаніе особенною категоріей сущности, удерживая категорію бытія за первымъ видомъ. То обстоятельство, что въ каждомъ данномъ случаѣ изъ нашей видимой дѣйствительности невозможно положить безусловной границы между этими двумя опредѣленіями, — такъ какъ они здѣсь смѣшаны и неустойчиво переходятъ одно въ другое — нисколько не должно насъ смущать. Ибо логика имѣетъ дѣло съ собственнымъ характеромъ мыслимыхъ опредѣленій какъ чистыхъ выраженій абсолютнаго Логоса, а не съ ихъ матеріальнымъ существованіемъ въ сложныхъ и многообразно обусловленныхъ явленіяхъ этого міра, который въ логикѣ можетъ давать только примѣры, но не основанія. Изъ того, что въ этомъ стаканѣ съ водой мы не можемъ механически отдѣлить и разграничить водородъ отъ кислорода, слѣдуетъ ли, что эти элементы безразличны сами по себѣ? Извѣстное вещество имѣетъ въ химической лабораторіи совершенно другое значеніе, чѣмъ то, которое принадлежитъ ему въ кухнѣ. Логика есть также наука—это химія мыслимаго міра, и ея опредѣленія нисколько не зависятъ отъ алогичнаго матеріала нашей призрачной дѣйствительности.

Опредѣленное нами отношеніе сущаго къ сущности и бытію предполагаетъ первоначальное различіе въ самомъ сущемъ, то-есть, въ первомъ центрѣ. Этотъ первый центръ, какъ мы видѣли, есть самоутвержденіе абсолютно-сущаго или Бога какъ таковаго на основѣ сущности и чрезъ бытіе, его самоположеніе или самопроявленіе. Всякое самопроявленіе заключаетъ въ себѣ со стороны проявляющагося три необходимые общіе момента: 1) проявляющееся въ себѣ или о себѣ, въ которомъ проявленіе заключается въ скрытомъ или потенциальномъ состояніи; 2) проявленіе какъ такое, то-есть, утвержденіе себя въ другомъ или на другомъ, обнаруженіе, опредѣленіе или выраженіе проявляемаго, его слово или Логосъ; 3) возвращеніе проявляющагося въ себя или самонахожденіе проявляющагося въ проявленіи. Абсолютное само въ себѣ сущее (1), необходимо саморазличается (2) и, въ этомъ различіи оставаясь самимъ собою, утверждаетъ себя какъ такое (3). Очевидно, что проявляться и, слѣдовательно, различаться въ этихъ трехъ образахъ абсолютносущее или первый центръ можетъ только по отношенію къ своему другому или второму центру, который даетъ матерію или субстратъ проявленія. Такимъ

образомъ, мы имѣемъ три положительныхъ начала въ абсолютносущемъ какъ первомъ центрѣ, три необходимые вида или образа его проявленія, и затѣмъ четвертое, отрицательное начало или его другое, назъ второй центръ; бытіе же или природа не принадлежитъ къ числу первоначаль по своему относительному и производному значенію.

Во избѣжаніе сбивчивости, мы должны обозначить собственнымъ именемъ каждое изъ положительныхъ началъ верховной троицы. Первому какъ собственному началу перваго центра мы сохранимъ названіе эн-софъ (положительное ничто); собственный характеръ втораго начала не можетъ быть лучше выраженъ какъ названіемъ Слова или Логоса; ¹⁾ наконецъ, третье начало мы будемъ называть Духомъ Святымъ.

Изъ этихъ первоначаль сущаго собственно образующее, дающее содержаніе есть Логосъ какъ начало опредѣленія, различенія, внутренняго развитія и откровенія—начало свѣта, въ которомъ открывається или становится видимымъ (φαινεταί) все содержаніе абсолютнаго; два же другіе положительныхъ, а равно и четвертое, отрицательное начало доступны и познаваемы лишь поскольку они опредѣляются Логосомъ, слѣдовательно, только чрезъ него, сами же по себѣ они сокрыты и недостижимы въ своей субъективной глубинѣ. Абсолютное само по себѣ въ первомъ и третьемъ началѣ недостижимо какъ гиперлогическое, отрицаніе же его или другое (четвертое начало или второй центръ—первая матерія) неуловимо само по себѣ какъ алогическое (или гипологическое).

Сами основныя опредѣленія или различія сущаго, сущности и бытія полагаются только Логосомъ: въ абсолютномъ самомъ по себѣ, то-есть, въ эн-софѣ и Духѣ Святомъ ²⁾, ихъ нѣтъ. Если въ самомъ дѣлѣ бытіе необходимо есть отношеніе къ иному, а сущность само это

¹⁾ Такъ какъ первое начало заключаетъ въ себѣ потенциально второе и вѣчно выводитъ или порождаетъ его изъ себя какъ свое вѣчное проявленіе, то оно можетъ называться его вѣчнымъ Отцомъ, по отношенію къ которому второе начало или Логосъ есть вѣчный Сынъ..

²⁾ Эн-софъ есть абсолютное само по себѣ до проявленія, Духъ Святой есть абсолютное само въ себѣ по проявленіи (разумѣется, до и по существенно, а не во времени), Логосъ же есть абсолютное не само по себѣ, а въ проявленіи; поэтому, когда я говорю абсолютное само по себѣ, то разумѣю только первое и третье начало. Отсюда же легко видѣть, что только Логосъ имѣетъ прямое отношеніе къ четвертому началу или первой матеріи и опредѣляетъ ее какъ идею, о чемъ болѣе въ своемъ мѣстѣ.

иное, то абсолютное какъ такое, ничего внѣ себя неимѣющее, выше бытія и сущности заключается въ его собственномъ бытіи, бытіе же его не различно отъ него какъ сущаго.

И такъ, Логосъ или Слово есть единственное объективное, то-есть, для другаго существующее начало бытія и знанія.

Въ началѣ было Слово и Слово было у Бога и Богъ былъ Слово. Оно было въ началѣ у Бога. Все чрезъ него родилось и безъ него не родилось ничто. Рожденное же въ немъ было жизнь, и жизнь была свѣтъ человѣковъ, и свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тьма не объяла его.

Логосъ осуществляетъ и абсолютное какъ такое и первую матерію. Имъ, или чрезъ него, абсолютное опредѣляется какъ сущее, первая матерія какъ сущность, отношеніе же между ними какъ бытіе, или точнѣе, какъ способъ или образъ бытія.

Сущее, сущность или содержаніе, бытіе или модусъ существованія ¹⁾ суть три первыя логическія категоріи, общія всему существующему. Когда я утверждаю что нибудь какъ существующее, напримѣръ, когда я говорю: *я есмь*, то въ этомъ выраженіи подразумѣвается: 1) я какъ сущій или субъектъ бытія; 2) извѣстный способъ (*modus*) или образъ бытія, ибо я не могу *просто* быть или быть *вообще*, я долженъ имѣть извѣстное опредѣленное бытіе, я долженъ быть такъ¹ или иначе, тѣмъ или другимъ, имѣть ту или другую природу; въ данномъ случаѣ я есмь существо мыслящее, хотящее и т. д., то-есть, мое бытіе (способъ бытія) или природа есть мышленіе, воля и т. д., слѣдовательно, *я есмь* значить здѣсь *я мыслю*, *хочу* и т. д. Но 3) я не могу просто мыслить, просто хотѣть или

¹⁾ Подъ бытіемъ можно разумѣть не модусъ, а самый актъ существованія, но сей послѣдній какъ вѣчто совершенно непосредственное не поддается никакому логическому опредѣленію. Здѣсь послѣднее сходится съ первымъ, и я могу только напомнить сказанное въ началѣ этой главы по поводу собственной дѣйствительности абсолютнаго. — Въ своей *Phänomenologie des Geistes* Гегель превосходно доказываетъ невозможность логически опредѣлить непосредственную дѣйствительность или чувственную достовѣрность, *sinnliche Gewissheit* (см. *Phän. des G.*, 2-te Auflage, 71 — 82). Но когда на этомъ основаніи Гегель прямо отрицаетъ непосредственную дѣйствительность, то легко видѣть, что такое отрицаніе вытекаетъ лишь изъ его исключительной точки зрѣнія, для которой логическій элементъ есть все, и алогичное совсѣмъ не существуетъ. Для всякой же другой точки зрѣнія алогичный характеръ непосредственной дѣйствительности нисколько не мѣшаетъ ея существованію, и изъ двухъ крайностей Гегелевскаго *Gefühl ist Alles* все таки лучше Гегелевскаго *Gefühl ist Nichts*.

мыслить и хотѣть вообще: я долженъ мыслить *о чемъ нибудь*, хотѣть чего нибудь, то-есть, мое мышленіе или хотѣніе опредѣляются не только какъ такія, субъективно, или какъ способъ моего субъективнаго бытія, но еще и объективно въ своемъ содержаніи или идеальной сущности. То, что я мыслю и чего хочу есть объективное содержаніе или сущность моего бытія и составляетъ особенный необходимый и самостоятельный моментъ моего существованія, несводимый къ предыдущему, а, напротивъ, его опредѣляющій.

И такъ, сущее, сущность, бытіе. Это послѣднее есть собственно проявленіе или откровеніе двухъ первыхъ посредствомъ Логоса ¹⁾, а потому отъ него (то-есть, бытія) удобнѣе вести развитіе дальнѣйшихъ логическихъ категорій. Бытіе есть отношеніе между сущимъ какъ такимъ и сущностью или первою матеріей. Эта матерія не есть сущее какъ такое, она есть его другое; но она принадлежитъ ему какъ его сила—сущее есть положительное начало и матеріи, оно есть, слѣдовательно, начало своего другаго. Начало же своего другаго есть воля. То, что я полагаю своею волей, есть мое, но вмѣстѣ съ тѣмъ другое, отъ меня отличное,—иначе я и не полагалъ бы его. И такъ, первое отношеніе сущаго къ сущности или первое опредѣленіе бытія мы имѣемъ какъ волю.

Но полагая свою волей сущность какъ свое и другое, сущее различаетъ ее не только отъ себя какъ такого, но и отъ своей воли. Чтобы сущій могъ хотѣть этого другаго, оно должно быть извѣстнымъ образомъ уже дано ему или у него, должно уже существовать для него, то-есть, представляться имъ или ему. Такимъ образомъ, сущность опредѣляетъ ²⁾ бытіе сущаго не только какъ волю, но и какъ представленіе. Это представленіе есть его самопредставленіе, такъ какъ и представляемая сущность есть его собственная сущность и въ томъ смыслѣ его представленіе можетъ называться самосознаніемъ. Впрочемъ, самосознаніе опредѣляется какъ такое лишь въ отличіе отъ сознанія о другихъ, внѣшнихъ вещахъ, а такъ какъ въ абсолютномъ этого различія быть не можетъ, то и лучше сохранить терминъ представленіе, какъ болѣе общій.

Сущность не можетъ быть предметомъ воли сущаго, не будучи

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ бытіе есть самоопредѣленіе Логоса, тогда какъ сущее есть опредѣленный Логосомъ эн-софъ, а сущность—опредѣленная Логосомъ первая матерія.

²⁾ Точнѣе: Логосъ чрезъ сущность опредѣляетъ и т. п.

имъ представляема. Разумѣтся, характеръ и содержаніе этого представленія опредѣляются собственнымъ Логосомъ абсолютнаго, это есть его собственная дѣятельность; сущность же какъ другое или первая матерія есть только начало, возбуждающее эту дѣятельность и подлежащее ей (*substratum εποχευετου*). Не сущее получаетъ въ представленіи свое содержаніе отъ сущности, а напротивъ, эта послѣдняя, будучи опредѣляема абсолютнымъ Логосомъ, имѣетъ отъ него все свое содержаніе и становится дѣйствительною сущностью, будучи сама по себѣ только пустою матеріей или чистою потенціей бытія. Поэтому, если мы называемъ эту потенцію сущностью и содержаніемъ, то не саму по себѣ, не въ отвлеченности взятую, а какъ уже опредѣленную Логосомъ въ ея отношеніи къ сущему.

Представленіе абсолютнаго, какъ опредѣляющее свою сущность, есть такимъ образомъ активное, аналогичное тому, что мы у себя имѣемъ какъ воображеніе.

Очевидно, что относительно представленія какъ состоянія или дѣйствія самаго абсолютносущаго не имѣютъ никакого смысла различія, существующія въ нашихъ представленіяхъ, каковы, различія между дѣйствительнымъ (предметнымъ) представленіемъ, и представленіемъ призраннымъ или фантастическимъ; далѣе между представленіемъ созерцательнымъ (воззрительнымъ или интуитивнымъ) и представленіемъ отвлеченнымъ или собственно мышленіемъ (въ общихъ понятіяхъ), а въ этомъ послѣднемъ—между мышленіемъ объективнымъ или познающимъ и мышленіемъ субъективнымъ или мнѣніемъ. Эти различія происходятъ отъ того, что всякое конечное существо, будучи только выдѣлившееся частью цѣлаго, имѣетъ внѣ себя цѣлый міръ уже опредѣленныхъ сущностей, цѣлый міръ независимаго отъ него бытія. Этотъ міръ своимъ дѣйствіемъ опредѣляетъ представленія каждаго отдѣльнаго существа, которыя (представленія) только по отношенію къ этой опредѣляющей причинѣ и имѣютъ объективное значеніе, помимо же нея суть только состоянія субъективнаго сознанія.

Воспринимаемое нами дѣйствіе внѣшнихъ сущностей чрезъ внѣшнее бытіе, то-есть, чрезъ сложное независимое отъ насъ взаимоотношеніе различныхъ сущностей мы называемъ внѣшнимъ опытомъ и различаемъ такимъ образомъ независимый отъ насъ объективный міръ отъ субъективнаго міра нашихъ внутреннихъ состояній. Это различіе, какъ мы вполнѣ увидимъ, есть совершенно относительное и подлежитъ діалектическому превращенію, но тѣмъ не менѣе

для насъ оно существуетъ. Для абсолютнаго же, какъ не имѣющаго внѣ себя никакого дѣйствительнаго опредѣленнаго бытія, вся дѣйствительность сводится къ его собственнымъ состояніямъ и дѣйствіямъ и здѣсь различіе субъективнаго отъ объективнаго, перенесенное всецѣло во внутреннюю сферу, опредѣляется его собственною волей. Поскольку представляемая сущность не только представляется, но и утверждается волей сущаго, постольку получаетъ она значеніе собственной дѣйствительности и какъ такая воздѣйствуетъ на сущее.

Воздѣйствіе на сущаго уже опредѣленной его представленіемъ и волей сущности даетъ новое опредѣленіе его бытію какъ чувству.

Для конечныхъ существъ есть два рода взаимодействія объективнаго бытія (представленія) съ субъективнымъ (волей): во первыхъ, взаимодействіе внѣшней эмпирической дѣйствительности или предметнаго вещественнаго представленія съ нашимъ матеріальнымъ физическимъ субъектомъ, то-есть, съ нашимъ животнымъ организмомъ, который есть не что иное какъ проявленіе бессознательнаго матеріальнаго хотѣнія; это первое взаимодействіе производитъ ощущенія внѣшнихъ чувствъ, внѣшнюю или тѣлесную чувственность; во вторыхъ, взаимодействіе нашей внутренней объективности, то-есть, нашихъ мыслей ¹⁾, съ нашимъ внутреннимъ субъективнымъ бытіемъ, то-есть, нашею личною сознательною волей—этимъ производится такъ называемое внутреннее чувство. Понятно, что въ абсолютно-сущемъ этого различія не можетъ быть и что, слѣдовательно, у него внутреннее и внѣшнее чувство, чувственность духовная и тѣлесная, совпадаютъ.

И такъ, мы имѣемъ три основныя категоріи, которыми опредѣляется непосредственное отношеніе сущаго къ его другому или сущности, или три основныя опредѣленія его бытія. Оно хочетъ свою сущность, представляетъ ее, чувствуетъ ее; отсюда бытіе его опредѣляется какъ *воля, представленіе, чувство*. Что такое собственно воля, представленіе и чувство,—это извѣстно намъ изъ нашего непосредственнаго сознанія и потому не можетъ составлять вопроса. Но какъ же мы должны понимать то другое, къ которому сущее въ своемъ бытіи относится какъ къ своей сущности?

Какъ мы видѣли, другое само по себѣ не имѣетъ никакой дѣй-

¹⁾ Если наше мышленіе по отношенію къ внѣшней реальности есть нѣчто субъективное, то по отношенію къ нашей волѣ оно представляетъ элементъ объективный. Очевидно, эти опредѣленія совершенно относительны.

ствительности, въ отдѣльности отъ сущаго оно есть чистая возможность или потенція бытія, матерія, $\alpha\lambda\eta$, $\mu\eta$ $\sigma\upsilon$. Это значить, что оно дѣйствительно и не существуетъ совсѣмъ внѣ сущаго или отдѣльно отъ него, а находится въ немъ какъ его собственное потенциальное отрицаніе, подобно тому, какъ мы въ самихъ себѣ находимъ свою матеріальную природу какъ внутреннее отрицаніе нашего собственного духовнаго я (разумѣется здѣсь только аналогія, а не тождество отношеній). Эта потенція можетъ быть осуществлена только внутреннимъ дѣйствіемъ самого сущаго, его волей. Это возможно и необходимо для сущаго уже потому, что оно по опредѣленію своему обладаетъ положительною силой бытія, бытіе же возможно только по отношенію къ сущности какъ ея реализація. Это осуществленіе даетъ матеріальной потенціи нѣкоторую относительную самостоятельность, дѣлаетъ ее также дѣйствительною силой, но силой пассивною, способною опредѣляться сущимъ и воздѣйствовать на него. Такимъ образомъ, первоначальное различеніе абсолютнаго на два центра или двѣ полярныя силы является дѣйствительнымъ, причемъ вся дѣйствительность имѣетъ очевидно свое положительное начало только въ первомъ центрѣ, вторымъ же только воспринимается и пассивно образуется. Безъ этого различенія сущее не имѣло бы базиса для своего проявленія и должно было бы, такъ сказать, дѣйствовать въ пустомъ, что немислимо, — и такъ, необходимо есть *materia prima* въ указанномъ прежде смыслѣ, какъ опредѣляемая сущимъ чрезъ абсолютный Логосъ, какъ его объектъ; эта *materia prima* называется идеей.

Очевидно, что идея какъ такая должна различаться соотвѣтственно различіямъ въ бытіи сущаго, которое (бытіе) есть только отношеніе сущаго къ ней (идеѣ). Идея есть собственно то, чего хочетъ сущій, что онъ представляетъ, что чувствуетъ или ощущаетъ— это есть его собственный предметъ или содержаніе. Какъ содержаніе воли сущаго идея есть *благо*, какъ содержаніе его представленія она есть *истина*, какъ содержаніе его чувства она есть *красота*. Принимаемъ пока эти опредѣленія только какъ общія понятія или условные знаки для извѣстнаго дѣйствительнаго конкретнаго содержанія, которое будетъ нами выведено въ дальнѣйшемъ развитіи. Этимъ наша философія отличается въ данномъ отношеніи отъ того школьнаго пустословія, которое принимаетъ идеи блага, истины и красоты въ этой ихъ отвлеченности и пустотѣ за нѣкоторые дѣйствительныя и притомъ сами по себѣ существующіе принципы, со-

ставляющіе *summa philosophiae*. Надъ этимъ пустословіемъ справедливо смѣялся Шопенгауэръ. Еще болѣе заслуживаютъ осмѣянія тѣ богословы, которые думаютъ этою абстрактною трилогіей покрыть христіанскій догматъ Троицы и назвавъ Отца благомъ, Сына истинной, а Духа Св. красотой, воображаютъ, что этимъ все сказано.

Сущее въ своемъ единствѣ уже заключаетъ въ себѣ потенциально волю, представленіе и чувство. Но чтобы эти способы бытія дѣйствительно были осуществлены, какъ такіе, необходимо имъ выдѣлиться, а для того необходимо, чтобы сущее утверждало ихъ въ ихъ особенности или, точнѣе, чтобы оно утверждало себя въ нихъ какъ особенныхъ, вслѣдствіе чего они и являлись бы какъ самостоятельные относительно другъ друга. Но такъ какъ эти способы бытія по самой природѣ своей связаны неразрывно, ибо нельзя хотѣть не представляя и не чувствуя, нельзя представлять безъ воли и чувства и т. д., то сущее и не можетъ утверждать эти способы бытія въ ихъ простой отдѣльности такъ, чтобы, во первыхъ, утверждалась *только* воля, во вторыхъ, *только* представленіе, въ третьихъ *только* чувство, а, слѣдовательно, они не могутъ быть обособлены сами по себѣ и необходимая для дѣйствительнаго ихъ осуществленія особность можетъ заключаться только въ обособленіи самого сущаго, какъ, во первыхъ, *преимущественно волящаго*, во вторыхъ, *преимущественно же представляющаго* и, въ третьихъ *преимущественно чувствующаго*, то-есть, утверждая себя въ своей волѣ сущее вмѣстѣ съ нею имѣетъ и представленіе и чувство, но какъ подчиненные волѣ моменты; утверждая себя, во вторыхъ, въ представленіи оно имѣетъ съ нимъ и волю и чувство, но опять какъ подчиненные уже представленію моменты; наконецъ, утверждая себя въ чувствѣ, сущее имѣетъ съ нимъ вмѣстѣ волю и представленіе, но какъ уже опредѣляемые чувствомъ, подчиненные ему моменты. Другими словами, представленіе, будучи обособлено отъ воли, необходимо получаетъ свою собственную волю и чувство (такъ какъ это послѣднее обусловлено воздѣйствіемъ представляемаго на волю), а, слѣдовательно, представляющее какъ такое становится особеннымъ и цѣльнымъ субъектомъ. Далѣе чувство, будучи обособлено отъ воли и представленія, необходимо получаетъ свою собственную волю и свое собственное представленіе, вслѣдствіе чего чувствующее какъ такое является самостоятельнымъ и полнымъ субъектомъ. Наконецъ, воля, выдѣлившая изъ себя представленіе и чувство какъ такіе, тѣмъ самымъ не-

обходимо получаетъ свое особенное представленіе и чувство, и волищій какъ такой является особеннымъ и цѣльнымъ субъектомъ.

И такъ, Логосъ абсолютнаго, но закону своего проявленія выдѣляя различные образы или способы бытія, тѣмъ самымъ раздѣляетъ и сущее на три субъекта, изъ коихъ каждый опредѣляется особенно однимъ изъ коренныхъ способовъ бытія, но не исключительно, а совмѣстно съ двумя другими, только какъ вторичными или подчиненными элементами. Логическая необходимость такого обособленія въ сущемъ, указанная выше въ немногихъ словахъ, надѣюсь, станетъ очевидною послѣ слѣдующаго разъясненія.

Какъ скоро даны три основные способы бытія, отношеніе ихъ къ сущему какъ къ субъекту, коего они суть предикаты, можетъ быть тройное. Впервыхъ, они могутъ быть ¹⁾ предикатами только одного субъекта. Этотъ единственный субъектъ будетъ имѣть тогда одинаково волю, представленіе и чувство. Что же составляетъ содержаніе этой воли, представленія и чувства? Разумѣтся, его собственная первоначальная сущность въ трехъ основныхъ формахъ или идеяхъ блага, истины и красоты. Но, какъ мы знаемъ, эта первоначальная сущность сама по себѣ есть только *prima materia*, или чистая потенція и не можетъ сама давать себѣ никакихъ опредѣленій, а только получаетъ или воспринимаетъ ихъ, такъ что три основныя идеи въ своемъ положительномъ содержаніи опредѣляются вообще дѣйствіемъ сущаго, а именно, какъ мы скоро увидимъ, дѣйствительными взаимоотношеніями различныхъ субъектовъ бытія или различныхъ сущихъ. Но такъ какъ въ нашемъ настоящемъ предположеніи именно не допускаются эти различные субъекты или сущіе, а только одинъ единственный, то идеи въ своемъ положительномъ содержаніи могутъ при этомъ опредѣляться исключительно только однимъ этимъ субъектомъ, то-есть, благо, какъ такое опредѣляется исключительно одною его волей, истина, какъ такая—исключительно однимъ его чувствомъ; другими словами, при этомъ предположеніи благо есть благо только потому, что онъ его хочетъ; истина есть истина только потому, что онъ ее представляетъ и красота есть красота только потому, что онъ ее чувствуетъ, слѣдовательно, на вопросъ о содержаніи или предметѣ его воли, представленія и чувства мы могли бы здѣсь отвѣчать только, что онъ хочетъ того, что хочетъ, представляетъ то, что представляетъ и чувствуетъ то, что чувствуетъ, или что онъ *просто*

¹⁾ Разумѣю здѣсь возможность въ самомъ общемъ, отвлеченномъ значеніи.

хочетъ, *просто* представляетъ, *просто* чувствуетъ. Но это не имѣетъ никакого смысла и, слѣдовательно, наше предположеніе, какъ приводящее къ такому нелѣпому заключенію, должно быть признано ложнымъ.

По второму возможному предположенію, каждый изъ трехъ способовъ бытія имѣетъ особеннаго и притомъ исключительно ему соответствующаго субъекта, такъ что волящій имѣетъ только предикать воли и никакого другаго, представляющій — только предикать представленія и ничего болѣе, и, наконецъ, чувствующій исключительно предикать чувства. Но, съ одной стороны, такая исключительность противорѣчила бы природѣ самихъ этихъ предикатовъ, ибо, какъ было уже замѣчено, хотѣніе какъ такое предполагаетъ необходимо представленіе и чувство, а равно и представленіе и чувство, каждое въ свою очередь, предполагаютъ два другіе способа бытія. Съ другой стороны, такая исключительность невозможна и по отношенію къ предполагаемымъ субъектамъ. Еслибы, въ самомъ дѣлѣ, данный субъектъ былъ только волящимъ (а другой только представляющимъ и третій только чувствующимъ), то предикать воли (представленія, чувства), будучи абсолютнымъ опредѣленіемъ субъекта, занимая его всецѣло, исключалъ бы его свободу, такъ что онъ не могъ бы уже быть дѣйствительнымъ самостоятельнымъ субъектомъ¹⁾, между тѣмъ, его дѣйствительность какъ такого необходима уже и для дѣйствительности самаго предиката.

Такимъ образомъ и второе предположеніе оказывается немислимымъ и остается только третье, то-есть, если необходимы три субъекта и если эти три субъекта не могутъ различаться между собою исключительною принадлежностью каждому изъ нихъ одного изъ трехъ предикатовъ, такъ какъ по природѣ самихъ этихъ предикатовъ, а равно и по природѣ субъекта вообще, такая исключительность невозможна, — то каждый субъектъ долженъ обладать всѣми предикатами, отличаясь отъ другихъ только различнымъ взаимоотношеніемъ этихъ предикатовъ.

Что касается до самаго этого обособленія трехъ цѣльныхъ субъектовъ, то для чувственнаго воображенія оно можетъ быть представлено въ видѣ интеграціи частей. Я разумѣю, что, если мы представимъ себѣ три основные образа бытія какъ элементы или составныя

¹⁾ Тогда какъ при множественности предикатовъ бытіе одного освобождаетъ субъектъ отъ исключительной власти другаго и тѣмъ утверждаетъ его самостоятельность.

части въ бытіи сущаго, то какъ скоро по закону Логоса каждая изъ этихъ частей отдѣляется отъ другихъ или утверждается въ своей особности, такъ необходимо сущее восполняетъ каждую произведе-ніемъ двухъ другихъ и, интегрируя ихъ такимъ образомъ, само распадается на три особенные и конкретные субъекта. Частные наглядные случаи такой интеграціи встрѣчаемъ мы и въ природѣ нашего вещественнаго міра. Такъ si licet magnis comraegere parva всѣмъ извѣстно, что если разрѣзать на части тѣло морской гидры или же землянаго червя, то каждая часть немедленно интегрируется, дополняясь всѣми недостающими органами и въ результатѣ получается нѣсколько цѣльныхъ организмовъ вмѣсто одного.

И такъ, мы имѣемъ трехъ самостоятельныхъ и цѣльныхъ субъектовъ бытія или трехъ сущихъ, изъ коихъ каждому принадлежать всѣ три основные способы бытія, но только въ различномъ отношеніи. Въ первомъ субъектѣ представленіе и чувство подчинены волѣ, другими словами, онъ представляетъ и чувствуетъ лишь поскольку хочетъ, что уже необходимо слѣдуетъ изъ его первоначальнаго значенія. Во второмъ, который имѣетъ уже перваго передъ собою, преобладаетъ объективный элементъ представленія, опредѣляющая причина котораго есть первый субъектъ; воля и чувство подчинены здѣсь представленію: онъ хочетъ и чувствуетъ лишь поскольку представляетъ. Наконецъ, въ третьемъ субъектѣ, который имѣетъ уже за собою и магическое бытіе перваго и идеальное бытіе втораго субъектовъ, особенное или самостоятельное значеніе можетъ принадлежать только реальному или чувственному бытію: онъ представляетъ и хочетъ лишь поскольку ощущаетъ.

Первый субъектъ или первую опредѣленность сущаго какъ таковаго я называю духомъ (πνευμα, spiritus); второй — умомъ (Νους, intellectus, или mens); третій—душой (ψυχη, anima).

И такъ *духъ, умъ, душа.*

Духъ есть сущее какъ субъектъ воли и носитель блага и вслѣдствіе этого или потому — также субъектъ представленія истины и чувства красоты. Умъ есть сущее какъ субъектъ представленія и носитель истины, а вслѣдствіе этого также субъектъ воли блага и чувства красоты. Душа есть сущее какъ субъектъ чувства и носительница красоты, а вслѣдствіе этого лишь или постольку подлежащее также волѣ блага и представленію истины.

Поясню это отношеніе примѣромъ изъ нашего человѣческаго опыта. Есть люди, которые, полюбивъ кого-нибудь сразу, уже на

основаніи этой любви составляютъ себѣ общее представленіе о любимомъ предметѣ, а также силою и степенью этой любви опредѣляютъ и эстетическое достоинство возбуждаемыхъ любимымъ существомъ впечатлѣній. Но бываютъ и такіе, въ которыхъ каждое данное существо вызываетъ сначала извѣстное общее теоретическое представленіе о себѣ, и съ этимъ уже представленіемъ сообразуется ихъ воля и чувство относительно этого существа. Бываютъ, наконецъ, и такіе, на которыхъ дѣйствуетъ прежде всего чувственная сторона предмета, и возбужденными въ нихъ эстетическими аффектами опредѣляется уже и умственное и нравственное ихъ отношеніе къ предмету. Первые сначала любятъ или хотятъ, а затѣмъ уже по своей любви или волѣ представляютъ и ощущаютъ; вторые сначала представляютъ, а по представленію уже хотятъ и чувствуютъ, третьи первѣе всего ощущаютъ, а по ощущеніямъ уже представляютъ и хотятъ. Первые суть люди духовные, вторые—люди ума, третьи—люди душевные или чувственные ¹⁾).

Мы имѣемъ три самостоятельные субъекта или чюстаси—*единоначальные*, ибо всѣ происходятъ изъ одного абсолютнаго первоначала, *единосущные*, поскольку всѣ имѣютъ одну общую сущность или первую матерію, относительно которой только они и могутъ быть самостоятельны, получая отъ нея свои отрицательныя опредѣленія,—наконецъ, *единообразные* или *единобытныя* (одноприродные), поскольку тѣ же общіе способы или образы бытія, та же самая природа принадлежитъ имъ всѣмъ. Единство абсолютнаго первоначала нисколько не нарушается этою тройственностью субъектовъ, ибо какъ мы видѣли, абсолютное первоначало, проявляясь посредствомъ своего Логоса, остается обладающимъ положительною силою бытія, не переходитъ въ свое проявленіе. Понятно также, что при всей своей самостоятельности или особности три первоначальные субъекта не могутъ быть равными: поскольку воля по существу своему первѣе представленія и чувства и поскольку благо по существу своему первѣе истины и красоты, постольку духъ необходимо первѣе ума и души.

Опредѣливъ тройственность субъектовъ, мы получаемъ для трехъ основныхъ идей блага, истины и красоты нѣкоторое, хотя еще и очень общее, но уже совершенно опредѣленное значеніе.

¹⁾ Это различіе, указанное здѣсь мною, получить весьма важное значеніе въ этикѣ.

Содержаніе трехъ субъектовъ есть идея. Но идея сама по себѣ, какъ *prima, materia* есть нѣчто совершенно неопредѣленное и пассивное и въ этомъ смыслѣ не можетъ давать объективнаго содержанія, опредѣленность же свою она получаетъ отъ абсолютно-сущаго, котораго она есть существенное отраженіе. А такъ какъ само сущее проявляется въ трехъ субъектахъ, то идея можетъ давать положительное содержаніе одному изъ этихъ субъектовъ не сама по себѣ, а лишь поскольку она опредѣляется другими субъектами или въ отношеніи къ нимъ (откуда опять видна необходимость многихъ субъектовъ). Субъектъ очевидно не можетъ непосредственно самъ по себѣ или какъ такой стать содержаніемъ другаго субъекта, слѣдовательно, содержаніе или идея состоитъ собственно въ ихъ взаимопредѣленіи, притомъ, очевидно, въ ихъ взаимопредѣленіи *положительною*, то-есть, въ ихъ опредѣленномъ *единствѣ*.

Такимъ образомъ, вообще *идея есть объективное единство трехъ субъектовъ*, субстратъ котораго есть сущность или первая матерія.

Вслѣдствіе тройственности коренныхъ способовъ бытія и единство или идея должна быть троякою, причемъ само собою ясно, что единство невозможно безъ свободнаго подчиненія.

Первоначальное благо или идея какъ благо (идея блага) *есть единство воли между перво-духомъ, перво-умомъ и перво-душою*, другими словами, свободное подчиненіе ума и души духу относительно воли, или потенціальность ихъ собственной воли, предоставляющая актуальное бытіе волѣ духа. Умъ и душа какъ особенные субъекты имѣютъ свою собственную существенную волю, которая отдѣляетъ ихъ отъ духа, но именно вслѣдствіе этой самостоятельности они и могутъ свободно подчиниться ему.

Первоначальная истина или идея какъ истина (идея истины) *есть единство представленія между духомъ, душою и умомъ*, или свободное подчиненіе двухъ первыхъ послѣднему относительно представленія. Духъ и душа вслѣдствіе свободы оставляютъ свою теоретическую силу представленія въ состояніи потенціальномъ, отдавая актуальное представленіе уму, то-есть, и духъ и душа представляютъ дѣйствительно только то, что полагается умомъ.

Наконецъ *первоначальная красота*, идея какъ красота или идея красоты, *есть единство чувства между духомъ, умомъ и душой*, или свободное подчиненіе двухъ первыхъ послѣдней относительно чувства. Духъ и умъ свободно оставляютъ свою эстетическую силу въ состояніи потенціи, предоставляя актуальное чувство душѣ, то-есть

духъ и умъ дѣйствительно чувствуютъ только то, что происходитъ въ душѣ.

И такъ, первое благо есть нравственная гармонія трехъ первыхъ субъектовъ, или ихъ соединеніе въ одной волѣ; первая истина есть умственная ихъ гармонія или ихъ соединеніе въ одномъ представленіи, наконецъ, первая красота есть чувственная или эстетическая гармонія этихъ субъектовъ — ихъ соединеніе въ одномъ чувствѣ.

Каждый изъ первоначальныхъ субъектовъ, какъ таковой, обладаетъ силою исключительнаго самоутвержденія, но именно вслѣдствіе этого они могутъ свободно отказаться отъ этого самоутвержденія, то-есть, они обладаютъ силою самоотрицанія. Духъ можетъ объективно представлять все, что хочетъ, но онъ свободно отвергаетъ этотъ свой произволъ и представляетъ только то, что полагается умомъ. Подобно этому, и первоначальный умъ можетъ хотѣть все, что представляетъ, но онъ въ дѣйствительности хочетъ или утверждаетъ изъ представимаго имъ только то, что согласно съ волей абсолютнаго духа. Точно то же должно сказать и о душѣ.

Такимъ образомъ, сущій духъ опредѣляется умомъ и душою, становится потенціальнымъ относительно ихъ, а поскольку онъ потенціаленъ, постольку его другое, то-есть, сущность или идея становится актуальною, получаетъ дѣйствительный образъ. Точно также умъ опредѣляется духомъ и душою и душа — духомъ и умомъ.

Въ этомъ смыслѣ то, что умъ и душа получаютъ въ идеѣ отъ духа, есть благо, то, что духъ и душа получаютъ въ идеѣ отъ ума, есть истина, то, наконецъ, что умъ и духъ получаютъ въ идеѣ отъ души, есть красота.

Духъ хочетъ всецѣлой гармонической сущности или идеи и этимъ хотѣньемъ опредѣляетъ ее какъ желанное, то-есть, какъ благо. Умъ и душа также хотятъ идею, но не опредѣляютъ ее какъ желанную, а получаютъ въ этомъ качествѣ отъ духа: для нихъ она какъ благо уже существуетъ. Но умъ не только хочетъ всецѣлую сущность или идею, — онъ прежде всего представляетъ ее и тѣмъ самымъ опредѣляетъ ее какъ представляемое, то-есть, какъ истину. Духъ и душа также представляютъ идею, но не опредѣляютъ ее какъ истину: въ этомъ качествѣ она для нихъ есть уже данная умомъ. Душа чувствуетъ всецѣлую сущность или идею и тѣмъ опредѣляетъ ее какъ эстетическое или красоту; духъ и умъ также чувствуютъ идею, но не опредѣляютъ ее сами какъ красоту: въ этомъ качествѣ она уже дается имъ душою.

Очевидно, что подлежащее или субстратъ этихъ трехъ единствъ или идей, то, къ чему гармонически относятся три субъекта—есть второй центръ абсолютнаго, или первая матерія, которая въ этомъ вѣчномъ развитіи и опредѣляется какъ идея въ различныхъ своихъ формахъ.

Сама по себѣ идея какъ другое сущаго является чистою потенціей безъ всякаго объективнаго бытія и можетъ быть здѣсь названа идеей только *κατὰ πρόληψιν*, настоящее же ея опредѣленіе въ этомъ отношеніи есть *materia prima*. Сущее является здѣсь какъ чистый актъ, свободный отъ всякаго относительнаго бытія, въ себѣ замкнутый и такъ какъ эта свобода и въ себѣ замкнутость составляютъ характеръ того, что обыкновенно называется духомъ, то уже здѣсь сущее можетъ быть опредѣлено какъ духъ. Ибо хотя по отношенію къ другому духъ и опредѣляется какъ по преимуществу *воляцій*, но этимъ не выражается его собственная дѣйствительность. Чтобы чего-нибудь хотѣть нужно уже имѣть что-нибудь, и чтобы хотѣть всего нужно извѣстнымъ образомъ обладать всѣмъ. Простое хотѣніе, которое не предполагаетъ никакой дѣйствительности въ хотящемъ, не есть даже и воля; это матеріальное слѣпое стремленіе—жажда бытія. Абсолютно же сущее какъ такое имѣетъ все въ непосредственномъ актѣ, и потому его другое можетъ быть только чистою потенціей въ немъ. Имѣя все въ себѣ, сущее не можетъ хотѣть произвести что-нибудь существенно иное, — оно можетъ хотѣть только свое собственное содержаніе имѣть какъ другое. Въ этомъ состоитъ всякое творчество. Художникъ хочетъ творить не что-нибудь себѣ чуждое, совершенно иное отъ себя, чего бы въ немъ совсѣмъ не было,—напротивъ, онъ хочетъ лишь ту идею, которая находится въ немъ самомъ, опредѣляетъ его внутреннее существо или составляетъ его собственное внутреннее содержаніе—эту свою идею онъ хочетъ осуществить внѣ себя, сдѣлать ее другимъ себѣ, выдѣлать и обособить ее. И какъ художникъ, объективируя свое содержаніе или дѣлая его внѣшнимъ, не теряетъ его какъ внутреннее, такъ и абсолютно сущее въ своемъ проявленіи не перестаетъ пребывать само въ себѣ.

Чистая, въ себѣ замкнутая актуальность какъ состояніе одностороннее и исключительное противорѣчитъ самому опредѣленію абсолютно-сущаго. Поэтому, оно (абсолютное) должно получить потенциальность, дать мѣсто другому, не теряя, разумѣется, своей собственной дѣйствительности или своей положительной силы. Получить же

потенціальность (матеріальность) или опредѣленіе себя другимъ абсолютное можетъ только чрезъ собственное утверженіе этого другаго, то-есть, первой матеріи или ничто, чрезъ сообщеніе ему (другому или ничто) своей (абсолютнаго) собственной дѣйствительности, или положительной силы, вслѣдствіе чего это ничто или первая матерія становится актуальною и можетъ дѣйствовать на сущее какъ первая идея.

По скольбу абсолютно-сущее подлежить дѣйствию этого осуществленнаго имъ другаго или идеи—оно является страдательнымъ, потенциальнымъ, матеріализуется: эта его матеріализація или опредѣленное проявленіе и есть осуществленный Логосъ.— Λογος εκδητος или προφορικος.

Какъ всецѣлое, свободное отъ всякой исключительности сущее должно сообщить идеѣ не нѣкоторую только дѣйствительность, а всю свою дѣйствительность, осуществить ее вполне, дать ей всѣ заключающіеся въ его положительной силѣ образы и опредѣленія. И прежде всего относительно самыхъ общихъ формъ или образовъ бытія идея является не только какъ желанная, но и какъ представляемая, не только какъ представляемая, но и какъ ощущаемая или реальная. Это есть постепенная актуализація или формализація (образование) идеи и соотвѣтственно тому постепенная потенциализація или матеріализація сущаго, обособляющагося на волящій духъ, представляющій умъ и чувствующую душу. Въ этой послѣдней матеріальный элементъ сущаго уравнивается элементъ чисто духовный и потому душа можетъ быть названа *materia secunda*. Соотвѣтственно этому идея души, то-есть, красота обладаетъ наибольшею актуальностью, наибольшею полнотою формальнаго бытія и есть поэтому послѣднее, окончательное осуществленіе или реализація идеи какъ такой. Въ этомъ смыслѣ благо есть утверждаемая цѣль, истина есть необходимо опредѣляющее средство, красота есть дѣйствительное исполненіе или осуществленіе; другими словами, сущее, утверждая идею какъ благо, даетъ ей посредствомъ истины осуществленіе въ красотѣ.

Всякая само-опредѣляющая дѣятельность сущаго тѣмъ самымъ производитъ другое или идею: онъ становится субъектомъ или носителемъ идеи. Такимъ образомъ всякая такая дѣятельность есть субъективизація сущаго и вмѣстѣ съ тѣмъ или тѣмъ самымъ объективизація первой матеріи, превращеніе ея изъ чистой неопредѣленной потенціи въ нѣкоторую опредѣленную объективную сущность или идею. Въ этомъ смыслѣ идея есть послѣднее, но, съ другой стороны,

только идея въ своемъ потенціальномъ существованіи можетъ опредѣлять дѣятельность сущаго какъ воли, представленія и чувства. Такимъ образомъ, здѣсь всѣ начала неразрывно между собою связаны, одно необходимо предполагаетъ другое и всѣ вмѣстѣ образуютъ одинъ замѣнутый кругъ, что и составляетъ истинную безконечность. Мы, собственно говоря, имѣемъ четыре субстанціальныя образующія начала: духъ, умъ, душа и идея, ибо различные способы бытія, а равно и различныя формы идеи, не суть начала, а происходятъ только изъ взаимоотношенія трехъ субъектовъ и идеи, откуда ясно, что всякое бытіе и всякая опредѣленная сущность необходимо относительны. Сущее въ трехъ субъектахъ не есть бытіе, а равно и идея сама по себѣ не есть бытіе; они получаютъ бытіе только въ своемъ взаимоотношеніи или взаимодействіи, сами же по себѣ суть силы бытія, причемъ духъ, умъ и душа суть силы положительныя и дѣятельныя, а идея есть сила отрицательная и страдательная.

И такъ, абсолютное, въ своемъ Логосѣ относясь къ своей первой матеріи, проявляется по категоріямъ сущаго, сущности и бытія въ слѣдующихъ основныхъ опредѣленіяхъ:

I.	II.	III.
<i>Сущее</i> какъ такое (<i>Богъ</i>):	<i>Сущность</i> (содержаніе или <i>идея</i>):	<i>Бытіе</i> (способъ или модусъ бытія, <i>природа</i>):
1. Духъ	Благо	Воля
2. Умъ	Истина	Представленіе
3. Душа	Красота	Чувство.

Изъ сказаннаго прежде ясно, что всѣ эти опредѣленія получаютъ свое дѣйствительное значеніе лишь по отношенію къ сущности или идеѣ. Идея есть, такимъ образомъ, то, въ чемъ абсолютное осуществляетъ себя посредствомъ своего Логоса, только въ ней оно со всѣми своими опредѣленіями становится существеннымъ, реальнымъ и объективнымъ. Отсюда же ясно, что идея имѣетъ особенную дѣйствительность не по отношенію къ абсолютному самому по себѣ, для котораго она есть только его собственное самосознаніе или его внутренней образъ, а лишь для Логоса, который отъ нея получаетъ свою дѣйствительную силу, а ей сообщаетъ свое содержаніе. Такимъ образомъ, Логосъ и идея вообще соотнесительны (какъ активное и пассивное начало, какъ форма и матерія и т. д.), и всѣ основныя опредѣленія абсолютнаго суть выраженія ихъ непосредственнаго взаимодействія или непосредственныя проявленія Логоса въ идеѣ.

Но ясно, что въ этихъ опредѣленіяхъ Логосъ какъ такой выражается въ различной степени и что именно специальное выраженіе Логоса въ идеѣ есть истина, по отношенію къ которой самъ Логосъ какъ сущій специально опредѣляется какъ умъ, а способъ бытія его какъ представленіе. Хотя и остальные опредѣленія есть необходимо выраженіе Логоса, но не какъ такого, не въ его особенности. Въ опредѣленіи волящаго духа Логосъ очевидно выражаетъ преимущественно свойство перваго абсолютнаго начала или эн-софа, въ опредѣленіи же чувствующей души онъ выражаетъ преимущественно характеръ третьяго абсолютнаго начала или Духа Св. и только въ опредѣленіи представляющаго ума проявляетъ онъ свою собственную особенность, свой специфическій характеръ. Соответственно этому въ опредѣленіи блага идея чрезъ Логосъ воспринимаетъ въ себя дѣйствительность перваго начала, а въ опредѣленіи красоты она чрезъ него же подлежитъ дѣйствию третьяго начала, и только въ опредѣленіи истины она непосредственно опредѣляется самимъ Логосомъ какъ такимъ. Если, такимъ образомъ, волящій духъ и чувствующая душа суть проявленія въ Логосѣ началъ гиперлогическихъ, свободныхъ самихъ но себѣ отъ всякаго различія и множественности формъ, то дальнѣйшія свои опредѣленія или образованія первая сущность или идея можетъ получить не отъ этихъ началъ, а единственно отъ представляющаго или воображающаго ума, слѣдовательно, въ идеѣ истины или какъ истинная сущность, вслѣдствіе чего идеи блага и красоты, пребывающія сами по себѣ неизмѣнно въ своемъ внутреннемъ тождествѣ какъ абсолютныя единства, получаютъ свое дальнѣйшее развитіе только по отношенію къ идеѣ истины или чрезъ истину.

И такъ, мы должны перейти къ изложенію тѣхъ опредѣленій, которыя умъ даетъ идеѣ какъ истинной сущности, что и составитъ содержаніе слѣдующей главы.

В. Соловьевъ.
